

55-201

рукописи
рукописи
рукописи

Св. св. 72. 1983

1

pag 50-52

Лесеву

Глубоко-уважаемому

Владимиру Викторовичу Лесевичу

ося освѣщен.

В. К.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Бюрократизмъ въ области общественно-просвѣтительныхъ начинаній.

(Письма изъ Тамбова).

Народныя чтенія начали свое существованіе въ Тамбовѣ довольно давно, еще въ 1890 г. Подобно тому, какъ это до сихъ поръ ведется въ большинствѣ губернскихъ городовъ Россіи, чтенія эти первое время происходили при одномъ изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, причемъ непосредственное участіе въ завѣдываніи ими принимали лишь лица официальнаго педагогическаго міра.

Въ 1893 г. принялъ подъ свое покровительство народныя чтенія извѣстный своими пожертвованіями на дѣла благотворительности въ г. Тамбовѣ Э. Д. Нарышкинъ, уроженецъ Тамбовской губерніи, лицо очень вліятельное. Благодаря ему, былъ выработанъ и утвержденъ уставъ особаго «общества народныхъ чтеній», въ завѣдываніе котораго поступило грандіозное зданіе народной аудиторіи, построенное Э. Д. Нарышкинымъ на свои личныя средства; дальнѣйшая судьба учрежденія была обезпечена неприкосновеннымъ капиталомъ въ 200 тыс. руб., % съ котораго идутъ на достиженіе задачъ.

Львівська державна
наукова бібліотека

1924

опредѣленныхъ уставомъ «общества». Въ капитальному пожертвованію Э. Д. Нарышкина прибавились еще новыя, такъ что въ настоящее время однихъ только % съ неприкосновеннаго капитала ежегодно поступаетъ въ распоряженіе общества около десяти тысячъ рублей; приблизительно столько же поступаетъ въ кассу общества пособій отъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, городскихъ думъ, пожертвованій частныхъ лицъ и ассигновокъ сельскихъ обществъ, такъ что общій приходный бюджетъ превышаетъ 20.000 р.

Такимъ образомъ условія возникновенія молодого общества были необычайно благоприятны. Обезпеченность денежными средствами, единственная въ своемъ родѣ для того времени аудиторія *), могущественная протекція оберъ-каммергера двора Э. Д. Нарышкина—все сулило новосозданному обществу блестящую будущность, и литература уже привѣтствовала народженіе въ Тамбовѣ «народнаго университета» (А. С. Пругавинъ. «Запросы народа и обязанности интеллигенціи»). Тамбовское общество народныхъ чтеній вступило въ ряды просвѣтительныхъ обществъ сразу въ качествѣ аристократа, находящагося на совершенно исключительномъ, привилегированномъ положеніи.

Кому много дано — съ того много и взыщется. Съ большими ожиданіями встрѣчены были первые шаги новосозданнаго общества, и тѣмъ большимъ разочарованіемъ сопровождался переходъ отъ розовыхъ надеждъ къ сѣренькой и неприглядной дѣйствительности. Во внутреннемъ складѣ общества сразу сказались нѣкоторыя неудобныя стороны. Если мы взглянемъ на списокъ лицъ, зачисленныхъ въ «учредители», то увидимъ исключительно лицъ или духовнаго званія, или принадлежащихъ къ официальному педагогическому міру, и, кромѣ самого Э. Д. Нарышкина, ни одного чловека изъ какихъ либо свободныхъ общественныхъ профессій. Трудно повѣрить, чтобы такихъ лицъ, принимавшихъ близко къ сердцу интересы просвѣтительнаго дѣла, въ это время въ Тамбовѣ не было совсѣмъ, и въ голову невольно приходитъ мысль о преднамѣренномъ исключеніи ихъ изъ числа учредителей.

Въ томъ же родѣ были и нѣкоторые дальнѣйшіе шаги молодого общества. Правленіе его было избрано согласно съ мудрымъ правиломъ «чинъ чина почитай». Первое мѣсто—предсѣдателя—досталось директору реальнаго училища **), В. Б. Егоровскому; второе, товарища предсѣдателя — инспектору того же училища, не безъ-

*) По отзыву Пругавина, это «грандіозное зданіе, почти до послѣдней вещи сложенное изъ кирпича, желѣза, асфальта и т. п. негорюемыхъ матеріаловъ», соединяющее «простоту, прочность, красоту и внушительность, которыя невольно бросаются въ глаза. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается собственно аудиторія, которая поражаетъ своимъ величіемъ»; въ нижнемъ нашлось мѣсто для народной читальни, историко-этнографическаго музея и «особой библіотеки» для интеллигенціи.

**) Директоръ гимназій, нынѣ по дряхлости вышедшій въ отставку, не принималъ въ дѣлѣ никакого участія.

извѣстному въ Тамбовѣ И. А. Батманову; инспекторъ гимназіи В. В. Соловскій попалъ въ члены правленія. Такимъ образомъ личный составъ общества стоитъ къ личному составу правленія въ отношеніи подчиненныхъ къ начальникамъ. Далѣе, дѣйствительнымъ членомъ общества народныхъ чтеній состоитъ нѣкто Д. В. Ильченко, и онъ же является наблюдателемъ за обществомъ отъ учебнаго вѣдомства: отъ него зависитъ утвержденіе или неутвержденіе членовъ.

Но и этого мало. Въ первомъ же отчетѣ о дѣятельности общества мы читаемъ: «порядокъ избранія дѣйствительныхъ членовъ не предусмотрѣнъ уставомъ, поэтому общее собраніе 16-го сентября 1893 г. постановило предоставить правленію право избирать въ дѣйствительные члены лицъ, заявившихъ на то свое желаніе или могущихъ, по мнѣнію правленія, быть полезными обществу». Такимъ образомъ, всемогущество правленія было окончательно закрѣплено, казалось даже, что на вѣчныя времена. Оно получило право фильтровать притокъ новыхъ силъ, по своему произволу допускать или не допускать въ составъ общества свѣжіе элементы.

Во всемъ этомъ уже явно сказались чисто-бюрократическія тенденціи учредителей тамбовскаго просвѣтительнаго общества. Было очевидно, что въ широкое и живое дѣло внѣшкольнаго образованія народа будутъ внесены всѣ тѣ понятія и приемы, которые вырабатывались въ атмосферѣ официально-служебныхъ, чиновничьихъ отношеній.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ въ дѣятельности «общества» замѣчалось еще что-то вродѣ живого и свободнаго отношенія къ просвѣтительнымъ дѣламъ и задачамъ. Общество народныхъ чтеній переживало, такъ сказать, весну своей жизни. Недолго продолжалась эта весна, но все же отиѣтимъ оставленные ею слѣды.

Первоначальный уставъ общества, составленіе котораго приписываютъ учителю гимназіи, нынѣ товарищу предсѣдателя М. Т. Попову, былъ чрезвычайно узокъ: онъ разрѣшалъ лишь устройство публичныхъ народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и содѣйствіе ихъ устройству въ предѣлахъ губерніи. И однако самъ учредитель общества Э. Д. Нарышкинъ первый вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ устава, пожертвовавши обществу, еще до открытія его дѣйствій, около 600 названий книгъ, какъ основу и начало будущей читальни. Затѣмъ, по свидѣтельству мѣстныхъ губ. вѣдомостей, «на первыхъ же порахъ въ наше общество народныхъ чтеній стали поступать требованія, выходящія за предѣлы его компетенціи, какъ, напр., о присылкѣ книгъ для чтенія и т. п.; отказывать же желающимъ въ удовлетвореніи ихъ потребностей было бы жестоко» *). Въ отчетѣ за 1893—4 г. правленіе въ первый и послѣдній разъ провозгласило, что «естественный ходъ событій требуетъ расширенія дѣятельности общества, имѣющаго для такого расширенія всѣ средства» (стр. 8).

*) «Тамб. Губ. Вѣдомости», передовая статья отъ 4-го ноября 1894 года.

Общество рѣшило ходатайствовать объ измѣненіи своего устава. Ходатайство это, поддержанное Э. Д. Нарышкинымъ, было удовлетворено министерствомъ. § 2 устава съ тѣхъ поръ гласитъ: «обимѣть цѣлью а) устройство нар. чтеній въ г. Тамбовѣ и содѣйствіе къ устройству таковыхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ Тамбовской губ.; б) устройство народной читальни въ г. Тамбовѣ и содѣйствіе къ устройству таковыхъ читаленъ въ уѣздныхъ городахъ Тамбовской губ.; в) содѣйствіе къ устройству народныхъ публичныхъ библіотекъ при сельскихъ школахъ» (въ первоначальной редакціи устава пунктовъ б и в совсѣмъ не было). Пользуясь расширеніемъ устава, общество учредило книжный складъ, избрало для завѣдыванія имъ особую редакціонную комиссію и занялось разсылкой библіотекъ. Къ сожалѣнію, это былъ единственный моментъ въ эпоху господства «педагогическаго большинства», когда общее теченіе дѣлъ выступило изъ береговъ и прорыло себѣ новое, болѣе широкое и просторное русло.

Всѣ остальные начинанія перваго года не выходили изъ области хорошихъ словъ и благихъ намѣреній, которыми, по пословицѣ, вымощенъ адъ. Такъ, напр., отчетъ перваго года содержитъ не мало фразъ о громадномъ значеніи самодѣятельности, энергіи и настойчивости, прежде всего въ привлеченіи къ дѣлу новыхъ и новыхъ денежныхъ средствъ. Правленіе полагаетъ, что «народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ не должны устраиваться вполнѣ на средства Общества и сразу поступать подъ его опеку, такъ какъ это немедленно повлекло бы за собой ослабленіе энергіи мѣстныхъ дѣятелей; народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ должны развиваться самостоятельно и черпать свои средства изъ мѣстныхъ источниковъ, особенно на первыхъ порахъ, когда дѣло имѣетъ прелесть новизны, возбуждаетъ сочувствіе и готовность на матеріальныя жертвы» (ст. 24). Все это справедливо, но, къ сожалѣнію, ни готовности на матеріальныя жертвы, ни энергіи въ привлеченіи средствъ со стороны само правленіе не обнаружило. Тамбовское общество народныхъ чтеній до сихъ поръ является, по всей вѣроятности, *единственнымъ* свободнымъ общественнымъ учрежденіемъ, преслѣдующимъ просвѣтительныя и вообще филантропическія цѣли, и въ то же время не обязывающее своихъ членовъ ни на какіе денежные взносы въ кассу общества,—а также *единственнымъ*, не извлекающимъ доходовъ изъ источниковъ, обычныхъ для всѣхъ подобныхъ учреждений, т. е. изъ благотворительныхъ вечеровъ, концертовъ, спектаклей, публичныхъ лекцій, подписокъ и т. п. А между тѣмъ «недостатокъ денежныхъ средствъ» вскорѣ сталъ любимымъ аргументомъ противъ всякаго дальнѣйшаго расширенія круга дѣятельности общества.

Въ этомъ же году выработаны были правила для выдачи на домъ книгъ изъ народной читальни, представлены, куда слѣдуетъ, и получено законное утвержденіе. Правила напечатаны въ прило-

женіи къ годичному отчету, и этимъ дѣло ограничилось. Въ дѣйствіе эти правила приведены не были.

Далѣе, въ завѣдываніе общества былъ переданъ губернский «историко-этнографическій музей», возникшій въ 1879 г., когда праздновалось столѣтіе учрежденія Тамбовской губ., и съ 1884 до 1893 г. находившійся въ завѣдываніи тамбовской архивной комиссіи. Въ отчетѣ за 1893 — 4 г. мы читаемъ: «принявъ музей въ свое завѣдываніе, правленіе рѣшило составить *научное описаніе* предметовъ музея, которое могло бы служить путеводителемъ по музею, чтобы обзоръ выставленныхъ предметовъ не было только пустымъ препровожденіемъ времени и развлеченіемъ для глазъ, но давало бы пищу уму посѣтителя, вводя его въ бытъ (!) тѣхъ существъ, остатки которыхъ или плоды дѣятельности которыхъ хранятся въ музей». Для того, чтобы «поставить музей на должную высоту», правленіе посулило публикѣ даже «столичнаго археолога» (стр. 34). Но всѣ эти громкія фразы остались лишь мѣдью звенящею и кимваломъ бряцающимъ.

Самыя народныя чтенія шли довольно беспорядочно. «О началѣ христіанства на Руси» читалось послѣ «жизни Александра Невскаго», о «сыновьяхъ Св. Владиміра» послѣ «нашествія татаръ», о «величинѣ и видѣ земли» послѣ чтенія «о теплѣ и воздухѣ» и т. п. Уже и тутъ обращалъ на себя вниманіе слишкомъ уже однообразный подборъ брошюръ для чтенія (изъ 71 лишь 2, напр., по естествознанію). Правленіе, однако, и для оправданія этой беспорядочности находило «хорошія слова». На стр. 20 перваго годичнаго отчета мы читаемъ: «Правленіе въ назначеніи чтеній не руководствовалось строгой системой, хотя самый вопросъ о введеніи извѣстной системы не разъ подвергался имъ обсужденію. По мнѣнію правленія, народныя чтенія при ихъ перемѣнной аудиторіи имѣютъ цѣлью только заинтересовать народъ книгой, воспитать въ немъ охоту къ чтенію, а не сообщать ему систематическій курсъ какихъ либо наукъ. Это дѣло школы, наконецъ, это дѣло народной читальни, гдѣ есть полный подборъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, начиная съ самыхъ популярныхъ и кончая научными».

Въ основѣ этого разсужденія было положено совершенно ошибочное предположеніе, что составъ народной аудиторіи долженъ быть текучимъ, тогда какъ опытъ всѣхъ обществъ показываетъ, что она съ теченіемъ времени всегда пріобрѣтаетъ относительно постоянный контингентъ посѣтителей *). Дѣло представлялось такимъ образомъ: народныя чтенія являются какъ бы чистилищемъ, вратами, сквозь которые проходятъ толпы людей, направляясь въ

*) Такъ, напр., проф. Кирпичниковъ въ рефератѣ, читанномъ на засѣданіи Моск. Ком. Грам. приблизительно въ это самое время, указывалъ на тотъ же фактъ, ссылаясь на примѣръ Одессы — города, гораздо болѣе крупнаго и многолюднаго, чѣмъ какой нибудь Тамбовъ.

элизіумъ — народную читальню и уже не возвращаясь обратно. Отсюда выводъ: слѣдуетъ читать безъ всякой связи лишь самыя занимательныя брошюры, группируя ихъ въ самомъ пестромъ и живописномъ безпорядкѣ, подобно картинамъ въ калейдоскопѣ, чтобы плѣнить воображеніе и мысль, возбудить интересъ, который уже затѣмъ естественно направилъ бы человека въ народную читальню; а послѣ этого продѣлывать ту же исторію надъ другимъ, третьимъ, четвертымъ и такъ далѣе, до безконечности. Какъ бы то ни было однако, и эту безсистемность и односторонность въ подборѣ брошюръ можно было оправдать въ началѣ: новизна и неустановленность дѣла все извиняли, и ко всѣмъ недостаткамъ «нашего молодого, еще неокрѣпшаго учрежденія» относились все очень снисходительно, въ чаяніи будущихъ благъ. Кромѣ привѣтствій, со стороны печати и мѣстной интеллигенціи обществу не приходилось слышать ничего.

Наступилъ второй годъ, но онъ не принесъ съ собою ничего новаго. Все съ большей и большею опредѣленностью во внутренней организаціи общества народныхъ чтеній выяснялись черты чисто-бюрократическаго режима: рѣдкій созывъ общихъ собраній лишь для того, чтобы заднимъ числомъ санкціонировать дѣятельность правленія и выразить благодарность его членамъ; фактивный контроль ревизіонной комиссіи, доклады которой сводились къ обычной канцелярской формулѣ «все обстоитъ благополучно»; полное отсутствіе всякой критики со стороны остальныхъ членовъ, представлявшихъ собою толпу актеровъ безъ рѣчей, собираемыхъ на засѣданія лишь для декораціи.

Въ этомъ 1894 — 95 академическомъ году, для завѣдыванія книжнымъ складомъ была организована особая редакціонная комиссія. Цѣль она поставила себѣ очень широкую: предпринять критическій обзоръ народной литературы для руководства книжнымъ складомъ. Далѣе она провозгласила, что «на чужое мнѣніе, какъ бы оно ни было компетентно, полагаться нельзя» *), и потому рѣшила не пользоваться такими трудами, какъ обзоръ, напр., литературы СПб. Ком. Грам., ежегодники Московскаго Ком. Грам. и книга «Что читать народу», а самимъ продѣлать всю эту работу. Одинъ изъ новоизбранныхъ членовъ, земскій дѣятель кн. Н. Н. Чолокаевъ предложилъ было сохранить надъ редакціонной комиссіей верховный контроль общаго собранія, выражающійся, между прочимъ, въ томъ, что «окончательное утвержденіе списковъ выбранныхъ книгъ должно принадлежать каждый разъ общему собранію членовъ» **). Предложеніе это было поддержано мѣстнымъ органомъ печати, въ самой деликатной формѣ, со всевозможными оговорками: «мы не желаемъ сказать, что настоящая редакціонная

*) Отчетъ Общества за 1894—95 г., стр. 34.

**) «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» отъ 4-го окт. 1894 г.

коммиссія не въ состояніи выполнить возложенную на нее обязанность, но вѣдь отъ ошибокъ никто не гарантированъ *)). Но все оказалось напраснымъ: слово «контроль» было для большинства общества чуть ли не неприличнымъ и ужъ во всякомъ случаѣ совершенно чуждымъ и не симпатичнымъ. Предложеніе провалилось.

Въ новоучрежденную коммиссію сданъ былъ и вопросъ о систематизаціи народныхъ чтеній, вновь поставленный на очередь однимъ изъ независимыхъ членовъ, тогдашнимъ городскимъ головою, прис. пов. Д. И. Тимофеевымъ. Но большинство коммиссіи самымъ ревностнымъ образомъ держалось мнѣнія, которое раньше было высказано правленіемъ: народныя чтенія не являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, это лишь преддверіе народной читальни; система излишня, ибо все равно составъ аудиторіи постоянно мѣняется; цѣль публичныхъ чтеній «дать здоровое, разумное развлеченіе отдыхающему народу», и только. — Забывалось, что есть цѣлый разрядъ *безграмотныхъ* слушателей, которымъ не откуда почерпнуть знанія, кромѣ этихъ чтеній; что во многихъ сельскихъ пунктахъ, гдѣ ведутся чтенія, нѣтъ народныхъ читаленъ; что въ селахъ аудиторія всегда одна и таже, а въ городѣ она имѣетъ постоянное ядро; что, наконецъ, общество ведетъ и въ городѣ, между прочимъ, чтенія для специальныхъ разрядовъ слушателей: для учащихся въ городскихъ школахъ и для низшихъ чиновъ мѣстнаго гарнизона; въ обоихъ этихъ случаяхъ аудиторія носитъ вполнѣ постоянный характеръ. Забывалось далѣе, что многіе представители рабочаго люда могутъ урвать ежедневно нѣсколько часовъ для того, чтобы послушать чтенія, но не имѣютъ времени, чтобы систематически заниматься въ народной читальнѣ, тѣмъ болѣе, что сами они читаютъ обыкновенно очень медленно. — Защитники «живописнаго безпорядка» въ расположеніи народныхъ чтеній утверждали, что если придерживаться системы, то придется изъ году въ годъ повторять одни и тѣ же чтенія, — какъ будто повторяться или разнообразить чтенія можно не въ зависимости отъ количества разрѣшенныхъ чтеній, а отъ *порядка ихъ расположенія*! Всего интереснѣе, что такая аргументація исходила изъ устъ предсѣдателя коммиссіи, записного математика, учителя гимназіи М. Т. Попова...

Кромѣ того, забывалось, что число разрѣшенныхъ чтеній нельзя принимать за неподвижную величину. Хотя и медленно, оно постепенно возрастаетъ, а около года тому назадъ сразу было разрѣшено къ прочтенію довольно много новыхъ брошюръ, а именно всѣ, до тѣхъ поръ допущенныя въ библіотеки народныхъ училищъ. Уже и теперь одну и ту же программу свободно можно провести на совершенно различныхъ брошюрахъ, не говоря уже о томъ, что ее можно проводить и въ болѣе элементарномъ, и въ болѣе подробномъ видѣ.

*) Тамъ же.

Мы остановились на этомъ вопросѣ, быть можетъ, слишкомъ долго. Но дѣло въ томъ, что безсистемность и вообще плохой подборъ чтеній составляетъ большое мѣсто тамбовскаго общества народныхъ чтеній. Уже около трехъ лѣтъ служилъ этотъ вопросъ яблокомъ раздора между членами, и до сихъ поръ не утратилъ интереса современности. По всей вѣроятности, онъ всплыветъ въ самомъ непродолжительномъ времени на очередь вновь, и желательно, конечно, чтобы онъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ, болѣе благоприятномъ для дѣла.

Къ внутренней безсистемности чтеній во второй годъ существованія общества присоединилась еще внѣшняя безпорядочность. Рвеніе къ дѣлу, появившееся на первыхъ порахъ, видимо стало смѣяться охлажденіемъ: устройство чтеній временами начинаетъ поражать своей халатностью; въ мѣстной газетѣ раздаются жалобы на то, что нерѣдко въ объявленіяхъ значатся одни лекторы, читаютъ же другіе; иныя входятъ на кафедру, очевидно, безъ всякой подготовки и читаютъ плохо. Указывается далѣе на плохой подборъ чтеній и на недоброкачественность картинъ, которыя, однако, обходились обществу очень дорого: въ среднемъ болѣе 2 р. за штуку.

И въ этомъ году напрасно ожидала публика приведенія въ дѣйствіе правилъ о выдачѣ книгъ на домъ изъ народной читальни. Очевидно было, что правленіе почilo на лаврахъ, и во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, положило «правила» на самую заднюю полочку шкафа со словами: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра»...

Библіотеки продолжали разсылаться въ разныя мѣста губерніи, но программа ихъ такъ и не была представлена на утвержденіе общаго собранія — ее утвердило собственною властью правленіе. Мѣстная газета требовала огпечатавія списка книгъ, разсылаемыхъ въ народныя бібліотеки, но напрасно. Никакихъ ручательствъ въ цѣлесообразности подбора книгъ въ нихъ не было. Правда, de jure завѣдывала дѣломъ редакціонная коммиссія, но ея труды продолжались всего безъ году недѣлю; результатами трудовъ другихъ коммиссій она заранѣе отказалась пользоваться, ибо «на чужое мнѣніе, какъ бы оно ни было компетентно, положиться нельзя», и въ концѣ концовъ наполненіе бібліотекъ тѣми или другими брошюрами зависѣло исключительно отъ «единоличнаго усмотрѣнія» завѣдывавшаго книжнымъ складомъ М. Т. Попова.

Точно также и учрежденіе, носившее громкое названіе «историко-этнографическаго музея» тщетно ожидало обѣщаннаго упорядоченія и превращенія въ своего рода просвѣтительное учрежденіе. Былъ ли выписанъ «столичный археологъ», — неизвѣстно, но вскорѣ вышелъ въ свѣтъ «каталогъ» музея, обѣщанное «научное описаніе», которое, согласно обѣщанію правленія, должно было посѣтителей даже «ввести въ бытъ тѣхъ существъ, останки и плоды дѣятельности которыхъ покоятся въ музеѣ».

Описаніе это, за которое, мимоходомъ сказать, правленіе запла-

тило автору 125 р., оказалось какимъ то юмористическимъ произведеніемъ досулаго шутника. Достаточно замѣтить, что «научное описаніе» музея зачисляетъ въ рубрику «каменнаго вѣка» чуть ли не все «каменное»: во первыхъ, «камень для метанія изъ пращи», а во вторыхъ, «каменное ядро, найденное въ Тамбовѣ П. И. Дискаревымъ на огородѣ усадьбы»; въ отдѣлѣ «древнихъ желѣзныхъ орудій и металлическихъ украшеній» — «сердоликовую печать», куски грубой шерстяной ткани» и «два куска чортова пальца (!)» (белемнитъ — ископаемое) вмѣстѣ съ «брусомъ изъ мелкозернистаго гранита»; въ отдѣлѣ «окаменѣлостей и минераловъ» попалъ «кусочекъ цинка», а въ рубрику «модели судовъ» «три дубовыя доски отъ карниза старинной колымаги»... Но всего лучше отдѣлъ «кости большихъ животныхъ». Въ этомъ отдѣлѣ предметы обозначаются такимъ образомъ: №№ 508 — 509. Черепъ *большихъ* животныхъ», № 510. Спинной позвонокъ *громаднаго* животнаго», «№№ 513—521. Части бивней *крупныхъ* животныхъ», «№№ 547 — 554. Зубы *разныхъ* *) животныхъ», «№№ 511—512. Части тазовой кости» (чьей? неизвѣстно).

Уже отсюда можно видѣть, что за сумбуръ царилъ въ учрежденіи, носившемъ громкое имя «историко-этнографическаго музея». Какъ видно изъ ст. г. Хабарова въ губ. Вѣдомостяхъ — «По мѣстамъ просвѣщенія», въ нумизматическомъ отдѣлѣ попадались даже такіе курьезы, какъ нѣсколько совершенно новыхъ ключей, два конверта съ какими то надписями, кусокъ обыкновеннѣйшей желтаго цвѣта замши и крышка отъ коробки асмоловскихъ папиросъ съ надписью «посольскія маисовыя» (!!). Словомъ, музей походилъ на кабинетъ Плюшкина, тащившаго къ себѣ всякую дрянь, какая попадалась подъ руку...

Это, пожалуй, мелочи, но прекрасно характеризующія тухлатность, которую проявляло постоянно правленіе, смѣло взявшее въ свои руки все дѣло и не оставившее ничего на долю общихъ собраній...

Эта склонность правленія управлять дѣломъ помимо общихъ собраній выразилась очень рельефно въ слѣдующемъ фактѣ. Между послѣднимъ засѣданіемъ 1894—95 года и первымъ засѣданіемъ слѣдующаго 1895—96 оказался длиннѣйшій промежутокъ, болѣе года (22 ноября 1894 г. — 4 декабря 1895). Правда, прямого нарушенія устава здѣсь не было; уставъ говоритъ лишь, что засѣданія обязательно происходятъ разъ въ годъ. Но это дѣла не измѣняло. Постепенно удлиняя промежутокъ между собраніями, правленіе могло бы, не выходя изъ рамокъ устава, неограниченно управлять всѣми дѣлами общества даже два года безъ двухъ дней (перваго дня перваго года, когда устраивается одно собраніе, и послѣдняго дня втораго года — слѣдующее собраніе). Выставляя на видъ много численные промахи правленія, мѣстныхъ губернскія вѣдомости по-

*) Курсивы наши.

постепенно начинаютъ все болѣе и болѣе критически относиться къ дѣятельности послѣдняго и, между прочимъ, требуютъ болѣе частаго созыва общихъ собраний, болѣе активнаго отношенія къ дѣлу со стороны отдѣльныхъ членовъ общества, болѣе гласности, болѣе точной отчетности и т. п. Газетныя статьи все чаще и чаще стали нарушать безмятежный покой правленія и инертнаго большинства. Вполнѣ естественно, что критика печати вызывала со стороны критикуемыхъ только неудовольствіе противъ людей, не умѣющихъ оцѣнить ихъ обширную и плодотворную дѣятельность. И дѣйствительно, съ количественной стороны дѣло все развивалось, росло и крѣпло; только заслуги правленія были во всемъ этомъ ростѣ совершенно не при чемъ: работали Нарышкинскія деньги, а не правленіе. Качественная же сторона дѣла, въ которой только и могла сказаться умѣлость и опытность его руководителей, продолжала сильнѣйшимъ образомъ хромать.

Два обстоятельства особенно способствовали обостренію отношеній между обществомъ народныхъ чтеній и печатью. Первымъ обстоятельствомъ была попытка правленія реформировать находившуюся въ его завѣдываніи, такъ назыв., «особую библіотеку», вторымъ—судьба новаго предложенія Д. И. Тимофеева объ организаціи систематическихъ общеобразовательныхъ лекцій.

Съ самаго открытія Общества нар. чтеній въ его вѣдѣніе поступило учрежденіе, носящее теперь названіе «особой нарышкинской библіотеки». Составилась она изъ двухъ старинныхъ семейныхъ библіотекъ Д. В. Полѣнова и Л. А. Всейкова, а затѣмъ увеличилась благодаря еще двумъ крупнымъ пожертвованіямъ—О. Д. Хвощинскаго и А. и Л. Вышеславцевыхъ. На содержаніе ея лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, былъ внесенъ капиталъ въ 10 тыс. руб. Для этой библіотеки созданы были особыя правила, утвержденныя г. министромъ нар. просв. въ декабрѣ 1893 г. Правила эти отличаютъ ее отъ обыкновенныхъ публичныхъ библіотекъ, ибо въ Особой библіотекѣ могутъ быть не только книги, изъятія изъ библіотекъ, но даже книги, формально неразрѣшенныя цензурою. Только такія книги не выдаются всѣмъ посѣтителямъ, а лишь особо благонадежнымъ лицамъ для научныхъ занятій и подъ личною отвѣтственностью библіотекаря *).

Въ особую библіотеку выписывалось на средства Общества 5 газетъ и 21 журналъ. Кромѣ того, завѣдующій библіотекою И. В. Знаменскій выписывалъ туда новыя книги, руководствуясь при выборѣ ихъ извѣстными «программами домашняго чтенія». Уже въ первый годъ существованія библіотеки, какъ гласитъ отчетъ—«сдѣлалось замѣтно образованіе кружка лицъ, для которыхъ библіотека сдѣлалась потребностью, которыя посѣщаютъ ее чуть не ежедневно». И если библіотека такъ быстро сѣмѣла завоевать общественныя

*) Отчетъ за 189½ г., стр. 28.

симпатіи, то этимъ общество народныхъ чтеній прежде всего обязано библиотекарю, выборъ котораго былъ сдѣланъ чрезвычайно удачно. И. В. Знаменскій былъ идеальнымъ библиотечаремъ, полюбительно влюбленнымъ въ свою библиотеку и заботливымъ о посетителяхъ до нельзя. — Само собою разумѣется, что главною притягательною силою библиотеки была новая, текущая литература, а не тотъ матеріалъ, который заключался въ старинныхъ фамиліальныхъ библиотекахъ. Ихъ содержаніе очень цѣнно, но исключительно для научныхъ цѣлей, а не для общеобразовательныхъ. Между тѣмъ Тамбовъ прежде всего нуждается въ общеобразовательной публичной библиотекѣ, такъ какъ, хотя почти напротивъ Нарышкинской аудиторіи и стоитъ зданіе, на которомъ красуется вывѣска «Публичная библиотека», но это не болѣе какъ мифъ. Это учрежденіе основано было какимъ то акціонернымъ обществомъ и по распаденіи его оказалось выморочнымъ. Оно перешло въ завѣдываніе администраціи и въ настоящее время существуетъ лишь на бумагѣ.

Конечно, создать изъ «особой библиотеки» учрежденіе, вполне способное замѣнить собою недостающую для Тамбова публичную библиотеку, было дѣломъ нелегкимъ. Но былъ хорошій выходъ изъ этого затруднительнаго положенія: просить городскую думу возбудить ходатайство о передачѣ публичной библиотеки въ собственность города и въ завѣдываніе Общества народныхъ чтеній, — подобно тому, какъ состоитъ въ собственности города и въ завѣдываніи Общества Нарышкинская аудиторія. Въмѣсто этого правленіе остановилось на мысли превратить и особую библиотеку въ простое *книгохранилище*, но выраженію предсѣдателя правленія В. П. Егоровскаго.

Протестъ противъ попытки наложить руки на столь симпатичное учрежденіе появился на столбцахъ мѣстной газеты еще заранѣе, когда о намѣреніяхъ правленія появились только слухи. Тѣмъ не менѣе уже упоминавшійся нами ранѣе М. Т. Поповъ (членъ правленія и казначей, онъ же завѣдующій книжнымъ складомъ) внесъ въ общее собраніе предложеніе прекратить выписку въ особую библиотеку газетъ и журналовъ въ виду чисто-научнаго назначенія библиотеки «и несерьезности *періодической печати*»...

Такое заявленіе было чрезвычайно характерно...

Только съ большими трудами оппозиціи удалось отстоять особую библиотеку отъ покушенія правленія. Менѣе удачно было для оппозиціи столкновеніе съ правленіемъ въ другомъ пунктѣ. Потерпѣвъ неудачу въ вопросѣ о систематизаціи народныхъ чтеній, Д. И. Тимофеевъ попробовалъ пойти на компромиссъ. — Пускай существующія народныя чтенія идутъ по прежнему, соглашался онъ. Но вѣдь при существующей ихъ организаціи читаютъ только одинъ разъ въ недѣлю, все же остальное время аудиторія пустуетъ; отчего бы не утилизировать ее и въ другіе дни съ пользою для населенія, учредивъ систематическія популярныя лекціи по какимъ

либо отраслямъ полезныхъ знаній—исторіи, географіи, гігіенѣ, напримѣръ, въ родѣ того, какъ это дѣлаетъ г. Мечъ въ Москвѣ. Одинъ изъ главныхъ ораторовъ большинства, г. Протасовъ возражалъ, что общество не имѣетъ на это никакого права; а во вторыхъ, задачи Нарышкинскихъ учрежденій—служить *народу*, тогда какъ здѣсь поднимаются рѣчи о лекціяхъ, интересныхъ собственно для интеллигенціи,—а это измѣна основнымъ принципамъ общества народныхъ чтеній. На это возражали, что вовсе не такъ трудно на основаніи существующихъ узаконеній добиться разрѣшенія устраивать эти лекціи; а назначеніе ихъ—поднимать умственный уровень именно народа, а не интеллигенціи, которая переросла такіа чтенія. Но самое большее, чего могла добиться оппозиція — это, чтобы правленіе согласилось «собрать справки» о подобныхъ чтеніяхъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Соотвѣтственное было сдѣлано, но врядъ ли кто нибудь смотрѣлъ на него серьезно. Участъ его заранее была рѣшена. Больше года о немъ не было ни слуху, ни духу. Прошло то время, когда само правленіе полагало, что естественный ходъ событій требовалъ расширенія дѣятельности общества, имѣющаго для такого расширенія всѣ средства; вмѣсто этого теперь стали раздаваться рѣчи о святости и неприкосновенности устава, о томъ, что не слѣдуетъ «разбрасываться». Это послѣднее новоизобрѣтенное словечко съ тѣхъ поръ превращается въ настоящее магическое заклинаніе противъ страшнаго призрака какихъ бы то ни было «новшествъ»...

Параллельно этому повышается и тонъ критическихъ статей, посвящаемыхъ обществу на страницахъ мѣстной газеты. Спокойныя, дружескія, подчеркнуто-вѣжливыя замѣчанія смѣняются все болѣе и болѣе рѣзкими приговорами. Чтобы дать понятіе о томъ, до чего дошло взаимное неудовольствіе, приведемъ типичный примѣръ. Одна изъ статей, появившихся послѣ лѣтнихъ каникулъ 1895 г. начинается словами: «Намъ не разъ уже приходилось указывать на недостатокъ инициативы и отсутствіе интереса къ дѣлу со стороны тамбовскаго Общества народныхъ чтеній...», а заканчивается рѣзкимъ вызовомъ: «вообще нужно замѣтить, что правленіе общества находитъ болѣе для себя удобнымъ не созывать общихъ собраній слишкомъ часто, а дѣлаетъ это только одинъ разъ въ годъ. Да и къ чему? Такъ спокойно, и никто лишній разъ не упрекнетъ въ ничего недѣланіи... Спокойной ночи, господа члены правленія!».

Какъ отвѣтило правленіе на эти вопросы и нападки, я разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

В. Черновъ.

33. 231.

Львѣв. Бібліотека
АН. УРСР

Львѣвська державна
наукова бібліотека

№

1424

12

30
(1986)

p11

1424

PS 1424y